

Валерий Толмачев – журналист-международник, дипломат, культуролог. В настоящее время руководит отделом науки Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО в Алматы. С 2023 года – член Союза писателей Казахстана. Автор ряда научных статей, двух романов и повестей, нескольких десятков рассказов. Избран председателем Литературного клуба Республиканского Дома дружбы.

Валерий ТОЛМАЧЕВ

КАРТИНА С МАСЛОМ

Носочки, белые носочки... Манерно, но верно.

* * *

У Борис Борисовича есть сын, которого он хоть и воспитывает в строгости – вернее, воспитывал – но любит беззаветно. Больше, чем себя самое. Иначе бы, возможно, так же назвал своим именем. Как, говорят, хотела называть жена. Но у нее теперь не спросить, разбилась в автокатастрофе. В общем, наследника нарекли Славой, Славиком.

Сам ББ – сразу вспоминается акроним Brigitte Bardot – был самобытным художником. Разводил огород, кроликов на даче. Там же писал картины, которые обеспечивали ему масло на хлебе насущном. Но если источник его живописи был тоже в масле, коим творил он корчащиеся, как в аду, человеческие фигуры, то секрет ее успеха дилетантам был недоступен. Некоторые видели его в транс-серфинге реальности, другие – в подскоках в трансцендентность...

Внимание, эти заметки, несмотря на сыплющийся тут и там словесный мусор – не попытка подражать корифеям мистики Булгакову, Липскерову и Кингу, что толпятся в моей электронной читалке. Отнюдь. Это правда, чистая как спирт Истина, – какой бы мне хотелось видеть собственную совесть!

Строгость ББ бросалась в глаза. Сейчас, как вы знаете, родители из кожи вон лезут, чтобы ни в чем не отказывать детям: смартфоны – пожалуйста, учеба за границей – на здоровье, отдельная квартира – держи ключи и будь счастлив, машина...

М-да, даже великий художник подвластен влиянию социума, пораженно-го проказой консьюмеризма, и безотчетно стремится к стандарту. Но вот что касается автомобиля...

О причине, по которой еще не великий, но уже уважаемый ББ стал вдовцом, сказано выше, и в этой связи он был непреклонен. Никакого моторизованного транспорта сыну. Категорически. И это в то время, когда человек без машины немислим. Когда отсутствие собственного железного коня приравнивается – для взрослых – к психическому заболеванию, а для студентов – к крайней степени нужды...

До чего докатились – двоечники и нередко любители покурить травку становятся примером для подражания! К счастью, студент Слава не относился ни к тем, ни к другим.

Отец растил его, как принято говорить, один. Безвременно ушедшую супругу как могли заменяли репетиторы и домоправительницы, а Славика поддерживали многочисленные друзья ББ. К сожалению, и среди них были те, кто считал машину неотъемлемой составляющей благосостояния.

– Что тебе, жалко? – как-то спросил один из них отца, пребывая в благодушном состоянии в разгар очередного праздника, который отмечался под гостеприимной крышей ББ. Было это, кажется, по случаю окончания мальчиком школы.

– А ты бы посадил своего сына на «Боинг», зная, что его собьет ракета? – косо прищурился ББ.

Разубедить его не было возможности.

Но мальчик рос, и с каждым днем его подспудная тяга к обладанию средством передвижения становилась всё более заметной, хотя, будучи, благодаря строгому воспитанию и унаследованным генам, натурой сдержанной, Слава стремился не выдавать своих чувств. А если и выдавал, то к месту.

Результатом стало то, что отец повез его на этап «Формулы-1» в Монако, а заодно и выполнить заказ для поселившегося там, на Остендском бульваре, соотечественника. Речь, разумеется, о картине, а не об устранении конкурента.

В надежде на то, что мальчик научится любить и понимать автомобильный мир со стороны, коль скоро влечение к нему не остывало.

Однако взрослеющий ребенок ошибочно воспринял этот жест, истолковав его в свою, как он представлял, пользу. И каждый свой день рождения, Новый год и даже случайное упоминание отцом о подарках стал сопровождать намеками на свое желание.

ББ записал его на верховую езду, предложил научиться летать на параплане, но Славик был к этим занятиям либо индифферентен, либо выражал готовность заинтересоваться ими уже в качестве обладателя четырехколесного друга.

При этом не был избалованным недорослем: хорошо учился, считался за своего у сверстников и не чурался девушек – собой был недурен. Да и уровень жизни, обеспечиваемый ему отцом, в общем-то не зашкаливал за рамки среднего. На «пригласить» друга или милашку в кафе-стекляшку хватало.

Была ли у него особая индивидуальность, искорка таланта – то, за что его можно было бы ценить? М-м, пожалуй. Доброта...

Но и ахиллесова пята была, о которой сказано выше.

* * *

ББ имел привычку ложиться поздно и вставать рано. Но и за этот короткий промежуток его успевали посещать кошмары определенного свойства, связанные с тем, что у Славика мог появиться автомобиль. И пробудившись, художник с облегчением осознавал, что это всего лишь сон, и благодарил Небо.

Но психологическое состояние человека подвержено радикальным изменениям. То, что кажется невозможным с утра, порой вечером становится нормой. Такие вот окна Овертона на индивидуальном этаже, рекомендую в «Вики» посмотреть для поднятия эрудиции...

Минул третий курс Славкиного университета. Напор на ББ по известному вопросу продолжался. Друзья и доброты так или иначе твердили, что молodomу человеку без машины неприлично. Да еще прошел слух, что новый

русский, портрет которого ББ рисовал в Монако, вздумал сделать Славику дорогой подарок. Да, тот самый – вожделенный.

И в душе отца, который не хотел, чтобы чужое благодеяние служило ему немым укором, непредсказуемо сработал тайный рычаг – на день рождения сына упрямый вдовец совершил поступок, который иначе не сделал бы никогда – подарил ему автомобиль. К успокоению всех тех, с кем он общался и кто о нем сплетничал.

После этого и в поведении ББ пропало всякое напряжение. Будто гора с плеч.

Так Славик зажил безоблачной жизнью мажора. Очень кстати оказались всевозможные шашлыки, вечеринки и дискотеки, которые ранее выпадали из его поля зрения. Но кроме этого, мальчик стал чаще бывать у отца, потому что жил на городской квартире, в то время как ББ на даче. И в такие заезды стареющий художник приобщал его к тайнам живописи, подолгу сидя с ним в мастерской и, как положено, делясь секретами ремесла.

ББ не случайно удерживал его подле себя. Было видно, что норовил убежать от лишнего времени за рулем. В одно из воскресений отвлек его от идеи поехать в кино: попросил позировать для картины. Потом чаю попили с медом. Славик уехал, вздохнув притворно, что хороший фильм пропустил.

«Зато творчески время провели», – сказал ББ. Это было бесспорно, так что Славик был даже окрылен.

А на следующий день пришло известие – разбился. Зацепил фуру на встречке, слетел с дороги, возвращаясь с дачи. Получив травмы, несовместимые с жизнью.

* * *

Отец семнадцать дней не выходил из мастерской после поминок. Забрал огород и кроликов. Смотрел в портрет сына, что-то подкрашивал, подкабливал.

Все, кто его знал, стремились взять на себя часть его горя. Хотя, кажется, это не лучший способ помочь. Ибо вместо одного сердце начинает разрываться у всех.

Разрывалось и у меня.

В последний – из тех семнадцати – вечер спускаюсь из спальни, встаю за его креслом, кладу ладони на зажатые плечи. Молчу. Слезинки потекли по щекам, одна – ББ на волосы упала.

Говорю:

– У Славика же голова болела. В мастерской красками сильно в тот вечер пахло. Ты еще в прихожую когда провожал его, две таблетки ему дал, разжевать велел, воды поднес.

– Не помню, – отвечает ББ. – К чему это?

– Чтоб голова не болела.

– Ну и что?

Тут и вырвалось у меня:

– То, что в моей упаковке со снотворным как раз двух и не хватает.

– Чего двух?

– Чего-чего... – вздыхаю эхом.

Таблетки эти стала покупать после того, как Борис Борисович заметил, что из окна моей спальни Славик вылезал... М-да, мы только-только с ББ из свадебного путешествия вернулись.

* * *

Теперь курю на подоконнике, за окном туман. Смотрю на белые носочки. Носочки белые на моих загорелых стройных ножках.

Чувства надо не подавлять, а контролировать.

Носочки белые, носочки белые, носочки белые...

КИТАЙСКАЯ НЕВЕСТА

Змеиная шкура пахнущего рекой канала поблескивала яркими звездочками. Зеленые листья на тяжелых ветвях, склонившихся над аллеей, тоже светились, будто подключенные к солнцу. А сами деревья, изогнувшись нерукотворными скульптурами, застыли в фольклорном танце. Грунтовая, посыпанная древесной корой дорожка приятно пружинила под ногами, облегчая шаг уже немолодого тела.

Он возвращался из бакалейной лавки. В руке пакет с овсянкой и молоком, купленными для пополнения домашних запасов. Его скромной пенсии на такие покупки вполне хватало.

Слева в обрамлении зарослей волчьей ягоды показалась калитка, за которой была еще одна тропинка, упиравшаяся в покрытую сланцевым шифером хижину, точнее, в дощатый домик с двускатной крышей, стоящий прямо над водой. Почти сказочная избушка, где курьи ножки заменялись длинными сваями. Пискляво ойкнул ржавый замок, открытый длинным ключом. Пенсионер осторожно перебрался на островок с неказистым строением. Потянул скрипучую дверь, которую на день обычно не запирали, ибо опасаться было некого.

В помещении с низким потолком всё было аскетично, почти как в поезде в купе. Однospальная кровать под раздвижным окошком. Напротив от нее, через проход, под другим таким же – стол, который мог при желании служить и письменным, и кухонным. Остальная мебель сводилась по сути к облезлому креслу без всякой обивки, шкафчику для посуды над раковиной-умывальником и полупустой книжной полке над кроватью. Из других вещей внимание привлекали, пожалуй, только латунный трехсвечовый канделябр, взятый за небольшую цену на барахолке, да пожелтевший человеческий скелет, приобретенный из любопытства там же. Скорее всего, не настоящий. О том, что дом был подключен к необходимым городским удобствам, свидетельствовали серый блин электроплитки, холодильник-малютка и некий закуток направо от входа, о назначении которого вполне можно было догадаться. Но самое интересное располагалось с противоположной от входа стороны – еще одна дверь, на этот раз не глухая, а застекленная, открывавшаяся прямо на канал. От падения в поток, однако, страховал небольшой выступ, который можно было бы назвать балконом или же крыльцом, если б не отсутствовавшие в принципе перила.

На этот карниз, нависавший над водой, он выносил иногда свое кресло, а то и сживал без, как на краешке земли, купаясь в лучах заката.

* * *

Рассовав покупки по назначенным местам, он снова вышел из хижины, где сейчас чувствовал себя погребенным заживо, хотя иногда именно уединение в этой странной келье было для него самым большим благом.

Климат стал одной из главных причин, по которым он купил домик-скворечник тут, на чужбине – поближе к северным морям (подвернулся случай!), продав квартиру на родине, когда бессмысленность дальнейшей жизни ради

работы стала для него совсем очевидной. Здесь, к его удовольствию, природа расщедрилась только на два сезона – весну и осень.

Плюсом этого города была также его чистота и относительная малонаселенность. Люди были неагрессивны и похожи на опрятно одетые призраки. Имея крышу над головой и какую-то мелочь в кармане, можно было ощущать себя сносно и безопасно круглые сутки. К тому же густая сеть обрамленных липами каналов придавала населенному пункту дополнительный шарм, превращая почти любой выход из дома в романтическое путешествие.

Он пошел в направлении центра, без четкой цели, бросив себя как шарик в колесо рулетки. Старые, но еще крепкие башмаки порой цеплялись за выступы средневековой брусчатки там, где она была. Ориентирами служили знакомые углы и перекрестки. Заблудиться в лабиринте зданий, улочек и водных артерий, исчертивших город узором еврейского канделябра, было немудрено. Окажись он на окраине, пришлось бы долго выбирать, тогда могло улетучиться и желание куда-либо идти. Поэтому он сэкономил силы для сохранения бодрости.

Позеленевшие от сырости стволы молодых деревьев напоминали ему о далеком первом периоде жизни в Северной Европе, когда все казалось свежим и волнительным, а будущее было наполнено загадочным туманом неизвестности. Теперь туман позади, и фантазировать не было смысла. Жизнь состоялась. Достаточно яркая, испещренная следами головоломок и приключений, ужасов и переживаний. И одиночество уже не угнетало, а воспринималось как развлечение. Из активного участника он становился зрителем происходящего. Стремиться куда-то было и незачем, и поздно. А свободного времени уйма. И это прекрасно. Свобода важнее всего!

* * *

Будто невзначай, он оказался в окрестностях одной из небольших кафешек, в которых заслуженно числился завсегдатаем. Каждое из них имело свою изюминку. Это, например, зацепило однажды коктейлем из водки, грейпфрутового сока и сиропа гренадин.

«Почему бы не отведать его и сейчас?» – подумал он, чувствуя, что организм не только не возражает, но и поддерживает.

Он занял привычное кресло на втором этаже, куда поднялся по винтовой лестнице, у окна с видом на канал. Знакомая официантка с лицом, словно обсыпанным пудрой, долго не подходила, а когда подошла, притворилась, что его не узнала. Он хотел сразу сделать заказ, но не успел. Девушка быстро оставила на столе меню и исчезла. «Ладно, – кротко подумал он. – Полюбуюсь пока пейзажем».

Вид за окном напоминал картину из музея, а в помещении стоял сладковатый запах кальяна.

Что бы еще заказать? Может, кофе?

Он поудобней устроился в кресле. Спешить было некуда. Можно сказать, жизнь вообще шла мимо. Он теперь подобен какой-нибудь неподвижной липе на берегу канала. От него ничего не требуется, а он довольствуется тем, что имеет. Кстати, где проклятая официантка, чем она может быть занята, если посетителей в кафе почти нет?

Наконец, она появилась.

– Что-то будете заказывать? Или еще просто так посидите? – спросила вроде любезно.

Он вспыхнул как спичка.

– Если б я хотел посидеть просто так, то пришел бы не сюда! Между прочим, я бывал у вас раньше, и странно, что вы меня не запомнили, – выпалил он. – Наверное, устали.

Желание пить коктейль испарилось начисто.

Она, не мигая, смотрела на него.

«Чёрт с ним, пусть будет кофе!»

– Принесите мне американо, пожалуйста, – процедил он.

– Со сливками? – осведомилась она спокойно.

– Нет, черный, – отчеканил он.

– Что-то еще? – краешек ее глаза начал подергиваться.

– Да, сразу счет, пожалуйста.

Она жестом механической куклы спрятала электронную записную книжку в кармашек на животе и удалилась деревянным шагом.

«Бедняжка, наверное, неурядицы дома!»

На этот раз ему не пришлось ждать. Фаянсовая чашка с кофе и бумажка со счетом появились перед ним незамедлительно.

Он ментально остыл. В конце концов, какие могут быть претензии?! Спасибо еще, что она не подаст на него в суд из-за его вспыльчивости.

У него, в отличие от нее, никаких неурядиц. Или, напротив, вся жизнь была одной неурядицей.

Он еще толком не сосредоточился на своем горьком и не очень желанном напитке, как на первом этаже кафе мелькнул алый огонек. Его руки, чуть подрагивая, поднесли чашку к губам, а огонек уже вспыхнул совсем рядом, на уровне ступенек винтовой лестницы, оказавшись аккуратной женской головкой с красной шапочкой гренадиновых волос – под цвет его коктейля-фаворита. Ниже прически и почти лебединой шеи постепенно нарисовалась воздушная фигура в распахнутом черном плаще-накидке. Девушка лет двадцати летучей мышью вспорхнула на этаж, огляделась по верхам, не опуская подбородка, словно нарочно не хотела встречаться с кем-то взглядом, без спешки, элегантно прошла до конца зала. Возможно, кого-то искала.

Высокая, стройная, отметил он машинально. К тому моменту, когда она вновь прошла мимо него и, распушив свой плащ, скользнула вниз, готический образ расшевелил золу его воображения, где что-то заиграло и засветилось.

Голубые глаза и фарфоровая кожа, как у похожей на шведку медсестрички, которая тридцать лет лет назад теплом своего тела сняла у него приступ язвы и которой он чуть было не сделал предложение. Правда, у той волосы были не красные, а как колосья спелой пшеницы.

Взгляд, умный и пронизательный, немного насмешливый, как у его первой женщины, который, в свою очередь, напоминал взгляд его самой первой, школьной возлюбленной. Губы как конфеты-подушечки, наверное, такие же упругие и ароматные, как у той узбечки, которая покрывала его лицо поцелуями под звездами на Гоа. Или же как спелые вишни, блестящие даже в темноте, такие, какими были губы помощницы французского посла, из-за которой он двадцать лет назад потерял голову. Грудь, которую он, правда, заметил лишь мельком под распахнувшимся плащом, стоячая и зовущая, как у его бывшей жены, которой завидовали все подруги, или как у той метиски, которая целый год была его спутницей по жизни и походила всеми своими совершенными формами, кроме головы, на египетскую богиню любви и кошек.

Жаль, гренадиновая искала не его. Временами не повредило бы разбавлять одиночество не только алкоголем и воспоминаниями. Но трагедии тут нет, и это главное. Секвойи, кстати, живут в одиночестве и неподвижности

тысячи лет и не жалуются, прекрасно выглядя при этом. Ну а перекаати-поле двигаются, но после смерти, и при этом ведут себя как живые, потому что разбрасывают свои семена.

А сколько было романов вообще! Брутальных и сказочных, мимолетных и продолжительных! При этом ни одного скучного и вялого! Были певицы оперные и эстрадные, танцовщицы и музыкантши. Была дочь министра и даже одна действующий министр. Была официантка, которой из-за сходства с Софи Лорен он устроил римские каникулы. Были бизнес-леди и просто леди. Была восточная красавица Гюзель с золотой бляхой на шее, как у фельдшандарма. Считать их все было всё равно что считать патроны в шестиствольном пулемете «Миниган»...

***

В северных широтах темнеет рано, так что никто из встречных прохожих не мог видеть, как его лицо порой расплывалось в улыбке. На улицах уже затеплились разноцветные вывески и гирлянды, обрамлявшие фасады и широкие окна. Он возвращался домой, дивясь ощущениям своей внутренней легкости.

Бледная и розовая, строя глазки и меняя позы, кокетничая и переплетаясь в объятьях, перед его внутренним взором хороводом пронеслись образы наперсниц по любовным играм, близкие в прошлом, недостижимые и бесплотные сейчас. Но по-прежнему дорогие и желанные, и вроде бы доступные, если не пытаться их потрогать. Они то бежали полураздетые и голые по водам канала, то выскакивали на набережную, прятались в кустах, выглядывали из-за корявых стволов, лукаво подмигивали, мелодично хохотали и принимали загадочный вид, а потом почти напрыгивали на него и снова исчезали. Всё это повторялось неоднократно и в разных вариациях. В ответ он то одобрительно кивал, то с притворным осуждением качал головой.

В такой веселой и пестрой компании он благополучно достиг своего жилища, вход в которое тускло освещал настенный фонарь, подсказывавший номер дома.

Невидимые спутницы остались снаружи. Оказавшись в одиночестве, он не стал беспокоить выключатель верхнего света. Вместо этого, нащупав спички в шкафчике, запалил свечи в канделябре. Достал из холодильника тарелку с заплесневелым сыром, початую бутылку вина. На пыльных боках фужера, тут же наполненного смородиновой жидкостью, заплясали желтые язычки.

На столе колыхались тени, вокруг стояла целебная тишина. На душе покой, и сна ни в одном глазу. Сделал неторопливый глоток, вдохнул дразнящий запах сыра. Подумал, что были счастливые мгновения, но не было одной любви навеки. Что, может, и к лучшему, ведь счастье сменяется горем. А если, в конце концов, нет, не сменяется?

Он снял с полки потрепанный учебник по фармакологии. Пара страниц из очередной главы, это золотые крупницы знаний, которые не окажутся лишними.

Вдруг ослепительным, стерильно белым стало всё в его маленькой комнате. Как в образцовой больничной палате. Яркий сноп света бил через окно – то, что смотрело вверх по течению. Прищурившись, он обернулся.

Наверное, полицейский катер. Это у них мощные прожектора. Хотя полиция никогда не тревожила его раньше. Он вышел на карниз, нависавший над каналом, встал, прикрыв глаза рукой.

Сверху вниз по реке, приближаясь к нему, плыла большая белая лодка, похожая на венецианскую гондолу, с золотыми узорами по бортам, с загнутым высоким носом и кормой. Единственным пассажиром была высокая статная девушка, которая ловко орудовала длинным веслом. Её сильные обнаженные руки и предплечья заставили его мечтательно вспомнить о больших крепких ладонях пианистки-татарки, которая как-то делала ему массаж в их гостиничном номере на Лазурном берегу. Ностальгически сладко заныла поясница и пятки.

На лодочнице был светящийся дымчатый наряд, как будто из органзы. Сквозь полупрозрачную ткань отчетливо виднелось её совершенное тело, высокие бедра, фигура египетской богини. Он посмотрел ей в лицо и сразу узнал. К тому же её волосы были цвета гренадин. Красный – это цвет радости и счастья в Китае, просветила его однажды коллега по работе, долго жившая в Харбине. В красное там наряжают невест.

Лодка подошла к причалу, легонько стукнулась о карниз.

– Зайдете? – предложил он, галантно подавая руку.

Она насмешливо улыбнулась, не выпуская весла.

Тогда в гондолу сошел он сам.

* * *

Неприметные, но бдительные соседи подали сигнал тревоги около трех часов ночи. Пожарный расчет, подкрепленный на всякий случай дежурным нарядом полиции, прибыл на место бедствия в считанные минуты. Но его взору предстал лишь догорающий, но всё ещё жаркий костер, злорадные языки которого пришлось обильно и долго заливать огнетушащей смесью.

От старика-иммигранта осталась лишь горстка обгоревших костей. Скорее всего, он сам устроил поджог. Возможно, по неосторожности, и причиной была упавшая свеча. Помятый канделябр был найден под грудой черных дымящихся головешек. При этом первые очевидцы утверждали, что хижина горела зелено-белым, будто фосфорным, пламенем.

